

III. История современного украинского национализма

Игорь Баринов

Образ Украины в европейской интеллектуальной мысли и украинская самоидентификация (середина XVII – начало XX вв.)*

Каждая эпоха европейской истории имеет свой неповторимый подход к осмыслению реальности. Так, во время Просвещения произошел сдвиг от инструментария средневековой теологической универсальности мира к ассоциативному мышлению, соотносению одного понятия с другим с целью их объяснения. По замечанию Мишеля Фуко, трактовка реальности через взаимоотношение явлений легла в основу всей эпистемологии XVIII века¹. Это касалось и этногеографических категорий, особенно в понимании тех областей и стран, которые находились вне пределов сложившегося мироощущения европейцев. Немалую роль здесь играли ошибки и заблуждения в ходе построения причинно-следственных связей.

Пришедший на смену Просвещению Романтизм в свою очередь отрицал культ разума, склоняясь к сенсуальной стороне мировосприятия, единения человека и природы, тайнам и экзотике. Из-за этого географические и этнографические познания европейцев даже в середине XIX века недалеко ушли от Геродота и Страбона. При этом экзотикой считались не только далекие восточные страны или Америка, но и ряд европейских территорий, в частности, Украина. Эта часть Европы, лежавшая вне традиционных маршрутов путешественников, заставляла их пользоваться для ее понимания сначала «мысленным картографированием» (*mental mapping*)², а затем и устоявшимися романтическими категориями, дополненными отрывочными и зачастую несоответствующими реальности сведениями.

Середина XVII – начало XX вв. ознаменовались появлением значительного пласта самой разнообразной литературы, посвященной Украине. И хотя каждый раз авторы приносили что-то новое в повествование об этой земле, многие тренды, равно как и отдельные характеристики, можно увидеть неизменными в

---

* Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции. Мы приглашаем критику экспертов – прим. ред.

¹ Цит. по: Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994. P. 92.

² *Ibid.* P. 147.

самые разные времена в самых разных странах. Что любопытно, этот накопившийся за долгие века интеллектуальный багаж был впоследствии использован представителями украинского национального движения для формирования национальной идеологии.

Украина: попытки географической локализации

Всплеск интереса в Европе к землям, лежавшим на восточной границе Речи Посполитой, связан с восстанием казаков под предводительством Богдана Хмельницкого (1648-1649), которое, как считает американско-украинский историк Сергей Плохий, стало одновременно «крестьянским бунтом, религиозной войной и региональным сепаратизмом»³. При этом, хотя топоним «Украина» в это же время уже стал появляться на европейских картах, он не содержал в себе этнокультурную компоненту. Так, в публикациях очевидцев восстания применительно к казакам он употреблялся с этническим подтекстом только при цитировании официальных польских документов⁴. В английской прессе того времени восточные окраины Речи Посполитой фигурировали под названиями исторических областей. Характер информации о них был отрывочным: так, во время второй волны восстания Хмельницкого Киевщина именовалась «процветающей землей», а Подолия – отдельным княжеством⁵.

Схожая позиция была характерна для французских авторов, фактически открывших Украину для Европы. Так, Гийом де Боплан (ок. 1595-1685), французский инженер на польской службе, хотя и предполагал возможное этнографическое наполнение этого термина⁶, но на подготовленной им же карте указывал, что название «Украина» применяется в простонародье для обозначения части Дикого Поля – малозаселенных или пустынных приазовских и причерноморских степей (этот тезис уже в XX веке подтверждали и украинские политики)⁷.

Триста лет спустя, накануне Второй мировой войны, польские авторы станут утверждать, что на самом деле никакой Украины на карте Боплана не было, а название это было добавлено на некоторое время из политических соображений во время шаткого положения Речи Посполитой в 1650-1651 гг. и убрано после раз-

³ Plokhy S. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford, 2001. P. 49.

⁴ Gründliche und denkwürdige Relation der neulichen Cosaken-Unruh wider die Cron Polen... [S.l.], 1649. P. 21, 24.

⁵ Федорук Я. Лондонська газета «Mercurius Policus» 1655-1657 років про Україну і козаків // *Ucrainica Petropolitana*. Сб. статей / Под ред. Т. Г. Таировой-Яковлевой. Выпуск 2. СПб., 2008. С. 83.

⁶ Beauplan G. de. *Description d'Ukraine qui sont plusieurs Provinces du Royaume de Pologne*. Rouen, 1660. P. 63-67.

⁷ Cheloukhine S. *Les termes Russie, Petite-Russie et Ukraine*. Lausanne, 1919. P. 13.

грома казаков под Берестечком в 1651 году⁸. Украинские авторы, возражая полякам, приводили данные о том, что Украиной назывались оба берега Днепра с Киевом уже в 1580 году и это впоследствии отразилось на карте географа Сансона в 1641 году, а также массу упоминаний об Украине как в европейской литературе XVI – XVII вв., так и в русском делопроизводстве XVIII века⁹. Как отмечает американский исследователь Ларри Вульф, даже в начале XVIII века хорошие карты Украины отсутствовали, в результате чего путешественникам приходилось двигаться по неопределенному маршруту, а сама украинская территория воспринималась через призму ассоциаций с другими землями Восточной Европы¹⁰.

Соотечественник Боплана, французский дипломат Пьер Шевалье, служивший в Речи Посполитой приблизительно в то же время, что и Боплан, называет казаками «всех жителей Украины», указывая, что они говорят на диалекте польского языка¹¹, в чем чувствуется влияние официальной польской позиции. Еще один соотечественник Боплана и Шевалье, Пьер Линаж де Восьенн, употребляет название «Украина» для обозначения территории, через которую крымские татары вторгались в польские пределы¹². Окончательно представление об Украине как о пограничье Речи Посполитой с турками и татарами, населенного казаками, было закреплено в обширном сочинении казначея польского короля Яна Собесского Гаспара де Тенде¹³ (1618-1697), которое было весьма популярным в Европе рубежа XVII – XVIII вв. Стоит отметить, что во французской традиции подобная оценка Украины станет устойчивой: в 1814 году в работе о казачестве французский публицист Шарль-Луи Лесюр (1770-1848), по следам недавней русской кампании Наполеона, напишет об «обширной местности» (*vaste pays*), общей границе русских, поляков и татар, которая носила имя «Окраина» (*le nom d'Okraïna*)¹⁴. Русские, при этом, описывались как «грубый и бездарный народ», в отличие от свободолюбивых поляков¹⁵. Утверждение об Украине как территории на стыке Речи Посполитой, России и Турции затем перекочевало и в немецкую литературу¹⁶. При этом Украина порой именуется «чесночной землей» по анало-

---

⁸ Skórewicz K. *Terytorium Ukrainy w świetle kartografii*. Warszawa, 1939. P. 18-19.

⁹ Чигирин А. Украинский вопрос. Париж, 1937. С. 10-12.

¹⁰ Wolff. *Inventing Eastern Europe*. P. 6, 147.

¹¹ Chevalier P. *Histoire de la guerre des cosaques contre la Pologne*. Paris, 1663. P. 32, 38.

¹² Linage de Vauciennes P. *L'origine véritable du soulèvement des Cosaques contre la Pologne*. Paris, 1674. P. 92.

¹³ Hauteville de (Tende G. de). *Polnischer Staat oder eigentliche Beschreibung des Königreichs Polen und des Grossherzogthums Litauen...* Cölln, 1697. P. 28.

¹⁴ Lesur Ch.-L. *Histoire des Kosaques, précédée d'une introduction ou coup-d'œil sur les peuples qui ont habité le pays des Kosaques avant l'invasion des tartares*. Paris, 1814. Vol. 1. P. 176.

¹⁵ *Ibid.* P. 167.

¹⁶ Aelstermann Ch. Th. *Journal über den zwischen Römischen und Türckischen Käysere, wie auch Käyserin von Russland... zu Niemerow in der Ukraine angestellten Friedens-Congressus...* [S.l.], 1737. P. 5.

гии с одноименным регионом в баварской Франконии, очевидно, в виде отсылки к аналогичной украинской плодородности¹⁷.

В польской литературе того времени также существовали различные подходы к пониманию Украины. В вышедшей в одно время с работами Боплана и Шевалье книге историка Иоахима Пастория (1611-1681), посвященной событиям восстания под руководством Хмельницкого¹⁸, наименование «Украина» вообще не встречается, равно как и нет его на европейских картах более раннего периода (Гродецкого 1557, Маковского 1613, Меркатора 1630 годов)¹⁹, хотя задолго до этого об Украине как требующей укрепления границе упоминал киевский епископ Юзеф Верещинский²⁰. С другой стороны, хронист и историк Самуэль Грондский (ок. 1620-1678) в сочинении о казацко-польских конфликтах указывает, что казаки жили по отношению к Украине «за Днепром» (*trans Borysthenem*)²¹, а сама Украина хотя и лежала на границах королевства, тем не менее, располагалась на его территории (*ad marginem Regni Poloniae*) и являлась его неотъемлемой частью²². Писатель и теолог Флориан Лепецкий (?-1666) указывал на некую «внешнюю Украину» (*extrema Ucraina*), которая находится перед Великой Тартарией, то есть Русским государством (*adversus Magnum Tartariae*)²³. Учитывая многозначность латинского слова «*exter*», достаточно трудно определить, что именно имел в виду автор. Возможно, таким образом он пытался обозначить те пограничные земли Речи Посполитой, которые вдавались на левый берег Днепра. Косвенное подтверждение этой теории можно найти у прусского историка Христофора Харткноха (1644-1687), указывавшего, что по Андрусовскому договору 1667 года Русское государство «сохранило всю Украину за Днепром» (*totam Ukrainam trans Boristhenem retinerent*), а Польше «возвратилась Украина до Днепра» (*reddita Polonis Ukraina cis Boristhenem*)²⁴.

Нужно подчеркнуть, что подобное объяснение, в котором фигурируют «две Украины», является далеко не исчерпывающим, и здесь присутствуют определенные сложности. Если следовать определению Линажа и Грондского, Украина географически локализуется в степной зоне среднего и нижнего течения Днепра, на его правом берегу. Вместе с тем, венецианские наблюдатели на русско-польской войне 1654-1667 гг. фиксируют Украину севернее, на территории ны-

---

¹⁷ Ibid. P. 4.

¹⁸ Pastorius J. *Bellum scythico cosacico seu de coniuratione Tartarorum, Cosacorum & plebis Russicae contra Regnum Poloniae...* Dantiscum, 1652.

¹⁹ Skórewicz. *Terytorium Ukrainy w świetle kartografii*. P. 39.

²⁰ Wereszczyński J. *Publika... Ich M. Rzeczy pospolitey na seymie przez list obiainiona, tak z strony fundowania szkoły rycerskiey synom koronnym na Ukrainie...* Kraków, 1594.

²¹ Gronski S. *Historia belli cosacco-polonici*. Pestinum, 1789. P. 18.

²² Ibid. P. 19.

²³ Lepiecki F. *Corona Civica ob cives patriamque... imperatorijs... Joannis Casimiri, Poloniae et Svecia regis... Post annum feré in extrema Ucraina adversus Magnum Tartariae Chamum rebellesque Cosacos expeditionem...* Cracoviae, 1654.

²⁴ Hartknoch Ch. *Respublica Polonica, duobus libris illustrata...* Lib. 1. Francfortum-Lipsiae, 1678. P. 139.

нешней Житомирской области²⁵. Некоторые авторы и картографы второй половины XVII – начала XVIII вв. относили к Украине исторические области на правом берегу Днепра – Подолию, Волынь и Покутье. Так делали, к примеру, баварский географ Иоганн Зайфрид (ок. 1640-1715)²⁶, упомянутый де Тенде²⁷ и географ из Лукки, иезуит Федерико Бурламакки (1652-1726)²⁸. Встречается такое положение и в информационных бюллетенях того времени²⁹. Таким образом, если соединить различные представления, «Украина» как условное географическое понятие растягивается на значительное расстояние от Западного Буга до Чернигова и от Киева до нижнего течения Днепра.

Разумеется, в данном случае нельзя не брать во внимание отрывочность сведений, имевшихся у писавших, и несовершенство их передачи, приводившие порой к значительным искажениям подлинной картины. Тем не менее можно, отталкиваясь от многочисленных свидетельств и сопутствовавших им исторических обстоятельств, предложить гипотетический механизм для реконструкции формирования представлений об Украине, в частности, отнесения к ней тех или иных территорий. В случае с Подолией это было связано с тем, что в описываемые времена шла борьба за правый берег Днепра между Польшей и Турцией. В ходе кратковременного успеха польского оружия в Варшаве в 1675 году был выпущен сборник од *Освобожденная Украина*, в котором польские магнаты называются «государями хохлов»³⁰ (*Dux Hohol*, вероятно, первый случай употребления этого термина), то есть казачье пограничье, как и у Грондского, включено собственно в польские границы. В этой связи в литературе магнаты даже именуются «крестными отцами казаков»³¹. Как известно, в условиях противоборства с Турцией Ян Собеский способствовал расселению казаков по течению Буга и Днепра на правом берегу³², таким образом удлинив казачье пограничье. Впоследствии турецкая угроза миновала, и Подолия перестала выступать в этой роли: в конце XVIII века прусский военный инженер Август Фридрих Хаммер в

²⁵ Lettera di Ragguaglio scritta dal Campo Polacco di successi contro Moscoviti versa UKraina. Venetia, 1660. P. 6.

²⁶ Seyfried J.H. Summarisch doch gründliche Beschreibung des Königreichs Polen, insonderheit Podolien oder so genandte Ukraine und angränzenden Landschaften. Nürnberg, 1672. P. 29.

²⁷ Hauteville de. Polnischer Staat ... P. 11-12; Skórewicz. Terytorium Ukrainy w świetle kartografii. P. 18, 40.

²⁸ De Michelis C.G., Ronchi L. L'Ucraina di F. Burlamacchi // Che cos'è l'Ucraina? Ščo take Ukrajina? Venezia, 1996. P. 61-62.

²⁹ Rechter, warhafftiger und ausführlicher Bericht, alles was bißhero in diesem 1687sten Jahre die christlichen Waffn für herrliche Siege ... erhalten, nemlich: in Morea, Ungarn, Croatien, Ukraine... Leipzig, 1687. P. 30-31; Der blutigen Fama aus Bender fernerweitige Relation, von der Schwedisch- und Türckischen Battaille, so den 25. Juni 1711 wider die Moscovitische Armee in der Ukraine herrlich erfochtene Victorie eingelauffen. [S.l.], 1711. P. 3.

³⁰ Ukraina vindicata fortitudine & felicitate Joannis III Regis Poloniarum. Varsaviae, 1675. P. 12.

³¹ Ploky. The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. P. 32.

³² Санин Г. Антиосманские войны в 70-90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 71.

своих путевых заметках и представители польской пограничной комиссии указывали, что Подолия и Украина – это разные территории³³. В качестве аналогичного примера могут выступать и другие территории. Так, в отчете, посвященном капитуляции войск Василия Шереметева под Чудновым в октябре 1660 года, упоминаются занятый русскими войсками Киев и «другие города Украины», которые были захвачены до этого³⁴. Буквально через 10-15 лет, после завершения боевых действий, те же земли называются «наместничествами» (*ducatus*)³⁵ или даже отдельными «герцогствами»³⁶.

Как представляется, восприятие тех или иных относимых к Украине земель напрямую зависело от качественного изменения их статуса. В условиях потери стабильности ранее устойчивые границы региона становились подвижными. Та или иная область, становясь фронтиром, как бы «превращалась» в «Украину», а после установления прочной власти и прекращения боевых действий переставала быть ею. Это можно проследить и по литературе. Так, Подолия, которая была ареной борьбы между Польшей и Турцией, относится к «Украине» и в 1683, и в 1737 гг.³⁷ Во второй четверти XVIII века немецкие авторы называли «Украиной» районы левого (Полтава) и правого (Немиров) берегов Днепра³⁸, где недавно (или относительно недавно) шла война или сменялась власть. Перемена статуса территории была, помимо прочего, эффективным средством познания ввиду неадекватности линейного восприятия расстояния на незнакомом пространстве. Немецкий священник Иоганн Бардили (1675-1740), свидетель похода шведских войск на Россию во время Северной войны 1700-1721 гг., в своих путевых заметках называя Украину, подобно французским и польским авторам XVII века, «границей между поляками и татарами» и отмечая, что одна ее часть лежит на правом, а другая – на левом берегу Днепра, пытается дать ее точные географические рамки – 70 миль в длину и 25 – в ширину³⁹. Несоизмеримые с реальностью цифры для территории, занимаемой казаками (15 лиг, то есть 70 километров в длину

---

³³ *Dzielo komisji granicznej między Ukrainą polską i Nowo-Rosją...* Warszawa, 1781. Part 2. P. 8; Hammard C.F.E. (Hammer A.F.E.). *Reise durch Oberschlesien zur Rußisch-Kayserslichen Armee nach der Ukraine...* Vol. 1. Gotha, 1787. P. 247.

³⁴ Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau den 20. Nov. Darinen enthalten der gantze Verlauff des glücklichen Succesß und herrlichen Sieges, Welchen Ihrer Königl. Majest. zu Polen und Schweden Armeen in der Ukraine wider die Moscowitter und Kosaken erhalten haben... Gdańsk, 1660. P. 7-8.

³⁵ Hartknoch. *Respublica Polonica, duobus libris illustrata*. P. 119.

³⁶ Seyfried. *Summarisch doch gründliche Beschreibung des Königreichs Polen ...* P. 35.

³⁷ *Sincera Relatione della segnalata Vittoria ottenuta da Cosacchi di Zaporouia li 4. Dicembre 1683...* Bologna, 1684. P. 3; Aelstermann. *Journal über den zwischen Römischen und Türckischen Käysere ...*

³⁸ von Wreech K.F. *Wahrhafte und umständliche Historie von denen schwedischen Befangenen in Russland und Siberien, welchergestalt dieselbe nach dem A. 1709. bey Pultawa in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen...* Sorau, 1728; Aelstermann. *Journal über den zwischen Römischen und Türckischen Käysere ...*

³⁹ Bardili J. *Reisen und Campagnen durch Teutschland in Polen, Lithauen, roth und weiß Reußland, Volhynien, Severien und Ukraine...* Stuttgart, 1730. P. 420.

и 3000 квадратных миль (7800 км²)) предлагают Бурламакки⁴⁰ и Повидай⁴¹. Подобная двойная категоризация объясняет и тот факт, что когда нынешняя территория Украины давным-давно находилась в составе империй, в Европе ее продолжали считать фронтиром Азии.

В первой половине XVIII века название «Украина» продолжало употребляться в различных смыслах. В 1716 году оно появилось у немецкого картографа Иоганна Гоманна⁴² (1664-1724), работавшего над картой Украины и назвавшего ее «земля казаков» (*terra cosaccorum*), а в 1739 году – в отчете русского врача Иоганна Шрайбера⁴³ (1705-1760), посланного в Очаков для ликвидации вспышки чумы, в том виде, в каком оно встречается еще у Боплана. Как можно видеть, Украина снова связывается с охранниками фронта – казаками и местностью в низовьях Днепра, где недавно шли боевые действия. Подобный территориальный разброс в попытке привязать топоним «Украина» к разным историческим областям встречается и в XVIII, и в XIX вв. Схожие характеристики днепровской Украине и расположенной значительно северо-восточнее Северной земле давал Бардили⁴⁴. Несколько позже польский офицер Станислав Зарульский предлагал располагать Украину на границе Польши и России – в Киевской, Каневской и Белгородской областях⁴⁵ на правом берегу Днепра, а на левый берег «переносил» уже вошедшую в состав России Малороссию⁴⁶. При этом в ходе межевания русско-польской границы Малороссия именовалась «российской Украиной»⁴⁷. В этой связи Вольтер (1694-1778) не случайно рассматривал Украину в *Истории Российской империи при Петре Великом* (1759-1763) как «конгломерат земель»⁴⁸. У русских авторов взгляды на локализацию Украины рознились. Так, шестьдесят лет спустя после Бардили российский публицист Август Хупель (1737-1819) указывал на переданные казакам «невозделанные земли на Украине»⁴⁹ и вхождение «всей Украины» в 1686 году по Вечному миру с Речью Посполитой в состав Русского государства⁵⁰, таким образом перенося ее на Левобережье. Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) в свою очередь употребил понятие «украина» в отношении периферии, упиравшейся в Дикое Поле Переяславской земли⁵¹. Как можно видеть, путаница в представлении того, что же является Украиной, не исчезла, а только усиливалась, в том числе из-за того, что слияния Украины и Рус-

⁴⁰ De Michelis, Ronchi. L'Ucraina di F. Burlamacchi. P. 63.

⁴¹ Powidaj L. Kozacy zaporozcy na Ukrainie. Lwów, 1862. P. 3-4.

⁴² Tyszkiewicz M. Cartes de l'Ukraine. Lausanne, 1919. P. 4.

⁴³ Schreiber J.F. Observationes et cogitata de pestilentia, quae annis 1738 et 1739 in Ucraina grassata est. Petropoli, 1739.

⁴⁴ Bardili. Reisen und Campagnen ... P. 410, 422.

⁴⁵ Очевидно, речь идет о Белгороде-Днестровском.

⁴⁶ Зарульский С. Описание о Малой России и Украине с приложением. М., 1847. С. 2.

⁴⁷ Dzieło komisji granicznej między Ukrainą polską i Nowo-Rosją... P. 35.

⁴⁸ Wolff. Inventing Eastern Europe ... P. 92.

⁴⁹ Hupel A.W. Von den Kosaken. Riga, 1790. P. 278.

⁵⁰ Ibid. P. 267-268.

⁵¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. Т. 3. С. 354, 684.

ского государства не произошло в том виде и такими темпами, как это первоначально предполагалось в Москве⁵².

Впоследствии подобные противоречия позволили представителям украинского национального движения в рамках теории «украинской соборности» (составления ее из ряда разобщенных частей) подчеркивать, что Украина включает в себя не только часть Дикого Поля, населенного казаками, но и, в том числе, Правобережье Днепра, а также Малороссию, Слобожанщину и Северскую землю (северо-восток современной Украины и юго-запад российского Черноземья). Отметим, что Правобережье Днепра и во времена Боплана, и во времена Гоманна, Бардили и Шрайбера, и даже ко времени выхода работы Хупеля оставалось в составе Польши. Как представляется, корни идеи соборности следует искать во времена восстания Хмельницкого, когда казаки планировали создать государство на всех территориях, которые контролировали⁵³. Отсылка к этой идее в принципе объясняет требования значительного расширения украинской границы на запад и северо-запад, появившиеся в начале XX века.

Новый и самый стойкий географический нарратив породили разделы Речи Посполитой. Так, в вышедшем в 1788 году в Париже историческом трактате *Анналы Малороссии* Жан-Бенуа Шерер (1741-1824), французский дипломат немецкого происхождения, будущий профессор Тюбингенского университета пишет об Украине как «стене против турок, русских и татар»⁵⁴. Через восемь лет после выхода книги Шерера в Пруссии была напечатана *История Украины*⁵⁵. Ее автор, австрийский чиновник, уроженец нынешней Словакии Иоганн фон Энгель (1770-1814) впервые в европейской историографии распространил прежний географический топоним «Украина» одновременно и на земли, ранее именовавшиеся Украиной, на правобережье Днепра, и на Малороссию, за что уже в XX веке стал пользоваться особой любовью националистически настроенной украинской интеллигенции. Как и у Шерера, у Энгеля Украина играет роль «защитной стены», однако здесь уже проглядывают политические черты, так как теперь она отделяет «культурную Европу от дикой Азии» и является «закромами и пастбищами Польши»⁵⁶. Этимологию слова «Украина» Энгель выводит из словосочетания «у Крайны»⁵⁷ (*U Krajne*), видимо, по аналогии с австрийской Крайной на Балканах, в значении этнокультурного рубежа, одновременно демонстрируя границу между двумя цивилизациями. Практически дословно воспроизводит слова

⁵² Font M., Varga B. *Ukrajna története*. Szeged, 2006. P. 120.

⁵³ Ploky. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. P. 53.

⁵⁴ Scherer J.-B. *Annales de la Petite Russie ou histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite Russie, depuis leur origine jusqu'à nos jours*. Paris, 1788. Vol. 1. P. 12.

⁵⁵ Engel J. Ch. von. *Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Cosaken, wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir*. Halle, 1796.

⁵⁶ *Ibid.* P. 2, 4.

⁵⁷ *Ibid.* P. 17.

Энгеля про «цивилизацию и варварство» в своей публикации почти семьдесят лет спустя Повидай⁵⁸.

Таким образом, географическое осмысление Украины в работах польских, французских, немецких, русских и итальянских авторов претерпело за двести лет любопытные изменения. Во второй половине XVII века, когда сам топоним «Украина» появился на карте, ее относили скорее к части нынешнего Правобережья. К середине XIX века украинская восточная граница сдвинулась в сторону России, когда черты реальной Украины и сопутствовавшие ей элементы (в том числе традиции казачества) стали ментально закрепляться за всеми регионами, которые когда-либо обозначались как «Украина» различными авторами, давая жизнь Украине воображаемой. Это положение было закреплено в литературе во второй половине XIX века. Так, в 1862 году Украину локализовал между Ворсклой и Десной на востоке и Днестром на западе, по течению Днепра до самого его устья⁵⁹ польский автор Людвик Повидай (1830-1882). Без малого двадцать лет спустя это же сделал австриец Юлиус Яндаурек⁶⁰. Казаческая традиция в это время также «выравнивалась» для обеих частей «Украины»⁶¹.

При этом в конце XVIII века само понятие «Украина» стало постепенно получать политическую нагрузку: ее, в связи с рядом факторов (среди них упадок Речи Посполитой и реакция российской стороны на революционные события в Европе⁶²), начали рассматривать как естественную границу с деспотичной азиатской империей, «защитную стену» от азиатского нашествия. Кроме того это было связано со своеобразной самоидентификацией поляков, находившихся на периферии европейских культурных центров и позиционировавших себя, вслед за античной традицией, единственной развитой культурой региона, на границе с варварами. Впоследствии от названия книги польского историка Матвея Меховского (1457-1523) *Трактат о двух Сарматиях*, впервые попытавшегося отделить «москвитов» от славянского населения Речи Посполитой⁶³, эта самоидентификация получила наименование «сарматизм». Усиление России в XVI – XVII вв., идеологическое поражение «сарматизма», а затем и болезненная потеря поляками национальной независимости вызывали ностальгию по прежним временам, когда значительная часть украинских территорий находилась под властью Речи Посполитой, считавшей их своей исконной и неделимой вотчиной, что обусловило в дальнейшем возникновение важных в данном контексте особенностей ее восприятия в польском нарративе.

⁵⁸ Powidaj. Kozacy zaporożcy na Ukrainie. P. 4.

⁵⁹ Ibid. P. 3-4.

⁶⁰ Jandaurek J. Das Königreich Galizien und Lodomerien und das Herzogthum Bukowina. Wien, 1884. P. 15.

⁶¹ Kappeler A. Die Kosaken-Ära als zentraler Baustein der Konstruktion einer national-ukrainischen Geschichte: Das Beispiel der Zeitschrift *Kievskaja Starina* 1882–1891 // Russische und ukrainische Geschichte vom 16.-18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2002. P. 251-262.

⁶² Groh D. Rußland im Blick Europas. Frankfurt am Main, 1988. P. 97-102.

⁶³ Miechow M. Historia delle due Sarmatie. Vinesia, 1561. P. 59, 62.

Вместе с тем, как представляется, польское влияние не было в этом вопросе определяющим. Эллинистическое деление мира на ойкумену и варварство было присуще и Западной Европе, для которой Украина, загадочная земля со «странным» населением, стала, усилиями провозвестников Романтизма, «квинтэссенцией географического выражения Восточной Европы»⁶⁴. Любопытным является и тот факт, с какой легкостью европейцы восприняли миф об Украине как «защитной стене». Дело в том, что в европейском сознании уже существовала матрица восприятия «чужих» в виде турок, борьбу с которыми европейская христианская цивилизация вела с конца XIV века. Последний раз турки стояли под стенами Вены – одного из главных на тот момент городов Европы – всего за сто лет до выхода работ Шерера и Энгеля. В начале же XIX века роль «чужого» примерили на себя русские – в Европе с возможностями геополитического влияния России впервые вплотную столкнулись во время наполеоновских войн. Этот факт породил весьма устойчивый и долговременный социально-политический аффект. В середине XIX века известный австрийский публицист Франц Шузелка писал: «Теперь варварство с Востока идет на нас не как освежающая гроза, а как морочащая, ослабляющая, отравляющая миазма. Если против нее не создать кордон из народов, она может стать настолько разрушительной, что вторгшимся варварам только и останется, что погребать мертвых, а оставшимся в живых – надеяться на милосердие захватчиков»⁶⁵. Существование Украины, пусть и представляемой лишь мысленно, таким образом, стало своего рода психологическим успокоением для европейцев. В значительной мере вышеупомянутый аффект проявился в немецкой политической мысли.

Вместе с тем нужно отметить, что ко времени утверждения Романтизма как парадигмы мировосприятия традиция описания и восприятия Украины насчитывала уже не менее ста лет. В нее внесли свой значительный вклад как западноевропейские (французские, итальянские), так и центральноевропейские (немецкие) авторы. Если Л. Вульф указывает, что у каждого путешественника времен Просвещения была своя «ментальная карта» Восточной Европы⁶⁶, то не стоит забывать, что эта карта строилась не только на путевых заметках, полных нерефлектированных впечатлений, но и на уже существовавшей живой конкретике оценок, размышлений и сомнений. Эта конкретика, несомненно, генетически впитала в себя более ранние построения, порой подверженные определенному идеологическому влиянию. Так, к примеру, в предисловии к своей работе Энгель указывает, что активно использовал польские публикации⁶⁷. Это следует уже из самого понимания автором Украины как географически и этнически цельного понятия.

---

⁶⁴ Wolff. *Inventing Eastern Europe* ... . P. 6, 95.

⁶⁵ Schuselka F. *Die orientalische Frage das ist russische Frage*. Hamburg, 1843. P. 7.

⁶⁶ Wolff. *Inventing Eastern Europe* ... . P. 6.

⁶⁷ Engel von. *Geschichte der Ukraine* ... . P. 8, 10.

Украинцы: историческая антропология и политика

Иные, негеографические сюжеты, касавшиеся населения, его истории и быта, не сразу стали соотноситься с пространственными украинскими категориями, а больше связывались с Малороссией. Этот изначально религиозный термин, возникший по греческому образцу, вплоть до начала XX века использовался для обозначения той части Левобережной Украины, которая вошла в состав Русского государства после Переяславской рады 1654 года, и не нес в себе уничижительного оттенка. Согласно исследованиям современных российских историков, казаки, перешедшие под власть Русского государства, именовали себя «малороссиянами» как во внутренней корреспонденции, так и в дипломатической переписке⁶⁸. Собственно «украинцами» казаков впервые называют именно польские источники: к примеру, это обозначение фигурирует в 1628 году в письме Януша Збарского, пана краковского, королю Владиславу IV⁶⁹.

Стоит заметить, что с разграничением украинских земель связывалась и категоризация их населения. Так, Лепецкий, говоря о восстании Хмельницкого, упоминает «взбунтовавшихся хамов», именовавших себя «казаками» (*chatum rebellesque Cosacos*). Десятью годами ранее другой автор, Шимон Старовольский (?-1656), пишет об усиливающемся конфликте с «упрямыми казаками в России»⁷⁰ (видимо, имеется в виду как раз вошедшая в состав России Малороссия). В этой связи примечательно, что в литературе впоследствии многократно озвучивалось утверждение об отдельном существовании априори лояльных «запорожских» и априори нелояльных «украинских» казаков, то есть, воинов, находившихся на польской службе, и населения окраинных территорий, которое могло и не принадлежать к казакам. Так, ещё Харткнох в 1678 году отделял собственно казацкую Хортицу (*Insula Zaporohensis*) от Украины⁷¹. В середине XIX века польский историк Станислав Пшылёнцкий (1805-1866) выделял находившихся на польской службе запорожцев⁷², тогда как до этого английский путешественник Джозеф Маршалл, проехавший через всю Украину, именовал жителей Чернигова «казаками-тартарами»⁷³, указывая на их «российскую» принадлежность.

Как справедливо отмечает польский историк Мацей Франц, казаки были мобильной группой населения с очень сложной структурой, которая долго не формализовалась и не закреплялась в определенных территориальных границах. Это было связано с особенностями высокой демографической мобильности, когда

⁶⁸ Степанов Д.Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлении элиты Гетманщины в 50-60-е годы XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 17.

⁶⁹ Przyłęcki S. *Ukrainne sprawy*. Lwów, 1842. P. 36.

⁷⁰ Starovolscio S. *Monumenta Sarmatarum, viam universae carnis ingressorum*. Cracoviae, 1655. P. x.

⁷¹ Hartknoch. *Respublica Polonica, duobus libris illustrata*. P. 139.

⁷² Przyłęcki. *Ukrainne sprawy*. P. iv.

⁷³ Marshall J. *Travels Through Holland, Flanders, Germany, Denmark, Sweden, Lapland, Russia, the Ukraine and Poland...* L., 1773. Vol. 3. P. 167.

часть людей пребывала в Сечи только с весны до осени, а зимой возвращалась восвояси⁷⁴. К примеру, позднейший количественный анализ казачьего реестра показал, что большинство казаков действительно были выходцами с правобережья Днепра⁷⁵. Как представляется, именно эта мобильность породила путаницу в понимании понятия «казак» и со временем, в ходе постепенной ликвидации казачьей автономии, привела к полному сглаживанию вышеупомянутой дифференциации в представлениях о них. Так, Хаммард, повествуя об Украине, указывает на Днепр как ее восточную границу и различает «украинцев» и «казаков», но при этом называет «украинцами» бывших запорожцев, а «казаками» – жителей бывшей польской окраины⁷⁶. Ту же ошибку совершает и Шерер, который, в свою очередь, называет «украинцами» тех «казаков», что живут на самой границе Дикого Поля, в отличие от «казаков» на Днепре⁷⁷.

Ложное представление европейских авторов о том, что всё население всех земель, относимых к Украине, является казаками⁷⁸, стало со временем устойчивым императивом. Тем более примечательно, что сохранявшиеся на письме ошибки совпали с реальными процессами: формировавшийся еще со времен короля Стефана Батория нарратив казачьей общности⁷⁹ сделал ее, по выражению итальянского историка Люки Кальви, «катализирующим элементом» для тех областей, которые мы сейчас относим к востоку Украины⁸⁰. Такое положение вещей впоследствии дало возможность этнографу Якову Марковичу (1776-1804) утверждать, что казаки были предками украинцев, а Украину мысленно перенести на свою родную Малороссию, ограничив ее реками Остром, Супоем, Днепром и Ворсклой⁸¹.

Различные европейские авторы впоследствии также употребляли понятие «казак» в этнической коннотации «украинец», но не были едины во мнении, кого же к ним относить. Так, лотарингский путешественник Пьер-Мартен де ля Мартиньер (1634-1690) сомневался, считать ли казаков нацией или просто «черкасской милицией»⁸². Украинский историк П.И. Симоновский (1717-1809) в 1765 году вообще указывал на иранское происхождение казаков, а их прародиной называл Гирканию⁸³. В описании Шерера фигурирует пассаж о языке казаков как

⁷⁴ Franz M. *Idea państwa kozackiego na ziemiach ukraińnych w XVI-XVII wieku*. Toruń, 2006. P. 54.

⁷⁵ Plokhy. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. P. 22.

⁷⁶ Hammard. *Reise durch Oberschlesien ...* P. 168, 252.

⁷⁷ Scherer. *Annales de la Petite Russie ...* P. 105.

⁷⁸ Seyfried. *Summarisch doch gründliche Beschreibung des Königreichs Polen ...* P. 31; De Michellis, Ronchi. *L'Ucraina di F. Burlamacchi*. P. 60.

⁷⁹ Franz. *Idea państwa kozackiego ...* P. 15-17.

⁸⁰ Calvi L. *Di Alcune constanti della Storica Ucraina // Che cos'è l'Ucraina? Ščo take Ukraïna?* P. 34.

⁸¹ Маркович Я.М. *Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях*. СПб., 1798. С. 40, 47.

⁸² de La Martinière P.-M. *A new Voyage to the North, containing a Full Account... of the Religion and Customs of the Muscovites, and a Short Story of the Muscovy...* L., 1706. P. 127.

⁸³ Симоновский П.И. *Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах...* М., 1847. С. 1-2.

«диалекте польского»⁸⁴, а также характерные для его времени ложные предположения и обобщения: так, он, к примеру, отождествлял казаков и хазар и называл казаками все население Малороссии⁸⁵. «Украинцами» казаков вслед за поляками первым в научной литературе называет Энгель. Однако их статус у него обозначен противоречиво: то он именует их «добровольной украинской милицией», то «запорожским рыцарством»⁸⁶.

Необходимо отметить, что в упомянутых выше фрагментах работы Энгеля кроются незаметные на первый взгляд, но ставшие затем устойчивыми в мифотворчестве украинских националистов два центральных сюжета – об Украине как пограничье с варварской Азией и о казачестве как ядре украинской нации, своеобразном рыцарском ордене. Как подчеркивает С. Плохий, на восприятие европейцами казаков повлиял образ мальтийских рыцарей, аналогично противостоявших мусульманам (казаки совершали походы в Крым и на Константинополь). Другим фактором стало влияние на казаков идеологии «сарматизма», когда в результате восстаний они стали рассматривать себя ведущей общественной прослойкой⁸⁷. При этом, по словам К. Кононенко, казаки были просто «более богатыми крестьянами»⁸⁸, а в заокеанской литературе начала XIX века казаки ранжировались по степени цивилизованности⁸⁹. Противоположную Энгелю позицию занимали русские немцы Август Хупель и Иоганн Пёльманн (1760-1848). Так, первый указывает, что малороссияне происходят от русских⁹⁰, а второй четко называет казаков сословием, а не нацией, и подчеркивает «естественный союз Великой и Малой Руси»⁹¹.

В это же время, на рубеже XVIII – XIX вв., польские авторы – путешественник Ян Потоцкий (1761-1815) в труде *Исторические и географические отрывки о Скифии, Сарматии и славянах*⁹² и публицист Тадеуш Чацкий (1765-1813) в появившемся в 1801 году трактате *О названии Украины и истоках казачества*⁹³ – впервые выдвинули гипотезу о праве населения Украины на национально-политическую индивидуальность. При этом если Потоцкий разграничивал русских, «славян Новгорода», и украинцев, «потомков племен полян и древлян»⁹⁴,

⁸⁴ Scherer. *Annales de la Petite Russie* ... . P. 17.

⁸⁵ Ibid. P. 9, 13.

⁸⁶ Engel von. *Geschichte der Ukraine* ... . P. 17, 53.

⁸⁷ Plochy. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. P. 21, 48, 173.

⁸⁸ Kononenko K. *A History of the Economic Relations Between Ukraine and Russia (1654-1917)*. Milwaukee, 1958. P. 4.

⁸⁹ *The resources of Russia in the event of a War with France, with a Short Description of the Cozaks*. Boston, 1813. P. 85-86.

⁹⁰ Hupel. *Von den Kosaken*. P. 173.

⁹¹ Poehlmann J.P. *Die Kosacken, oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebräuche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu führen*. Sankt-Petersburg, 1799. P. 3, 18.

⁹² Potocki J. *Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves*. Brunswick, 1796. Vol. 1-4.

⁹³ Czacki T. *O nazwisku Ukrainy i początki kozaków*. Warszawa, 1843-1845.

⁹⁴ Potocki. *Fragments historiques et géographiques sur la Scythie* ... . Vol. 1. P. 3.

то Чацкий говорил о неславянском племени укров, пришедших в Причерноморье в VII веке н.э. вместе с племенами гуннов из-за Волги. Термин Чацкого сперва не прижился (второе рождение он получит в историографии уже независимой Украины в начале XXI века). Теория Потоцкого же фактически выдвинула на первый план идею преемственности украинцев от Киевской Руси и их непохожести на русских, которая через сто лет станет лейтмотивом конструирования украинской идентичности. С работой Потоцкого, очевидно, был знаком Я. Маркович, назвавший Малороссию «колыбелью россов»⁹⁵.

Наиболее критичным в данном контексте также представляется то, что уже с конца XVIII века понятия «Украина» и «Малороссия», сперва имевшие различный смысл и свою территориальную привязку, фактически начинают отождествляться, а черты, присущие казакам, начинают, из-за сращивания понятий, распространяться на всех жителей Малороссии, с присвоением им этнонима «украинцы» – уже в этнополитическом значении. Так, австрийский военный, Генрих Хэндловик, живший среди казаков, называл их теми же малороссиянами, «командированными для прикрытия границы», но затем «оторвавшимися от своего племени»⁹⁶. Похожие оценки встречаются и у Иоганна Пёльманна⁹⁷, и у польского автора Яна Чарновского (1822-1894)⁹⁸, и даже в начале XX века у признанного немецкого специалиста по восточноевропейским вопросам Отто Гётцша (1876-1946)⁹⁹.

С другой стороны, немецкий военный историк Карл фон Плото (1780-1820) в брошюре по истории казаков возводит историю Украины (именно географической Украины, а не Малороссии) к истории Новгородской и Киевской Руси¹⁰⁰, что одновременно с ним начинают делать в России как историки, например, Д.Н. Бантыш-Каменский (1788-1850) в своей многотомной работе *История Малой России*¹⁰¹, так и литераторы – А.С. Пушкин в *Очерке истории Украины* (1831)¹⁰² и Н.В. Гоголь в статье «Взгляд на составление Малороссии» (1832)¹⁰³.

Романтизированный образ казачества также сыграл свою роль в восприятии Украины. Как считает польский исследователь Стефан Козак, в этой романтизации сыграли роль два основных фактора: богатая устная украинская традиция,

⁹⁵ Маркович. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. С. 2.

⁹⁶ [von Händlowick]. Ausführliche und wahrhafte Schilderung der saporoger Kosacken. Pappenheim, 1789. P. 9.

⁹⁷ Poehlmann. Die Kosacken ... P. 3.

⁹⁸ Czarnowski J.N. Ukraina i Zaporozze, czyli Historia kozaków od pojawienia się ich w dziejach, do czasu ostatecznego przyłączenia do Rosyi. Warszawa, 1854. Vol. 1. P. 6, 64.

⁹⁹ Hoetzsch O. Osteuropa und deutscher Osten. Königsberg-Berlin, 1934. P. 6.

¹⁰⁰ Plotho K. von. Die Kosaken, oder Geschichte derselben von ihrem Ursprunge bis auf die Gegenwart, mit einer Schilderung ihrer Verfassung und ihrer Wohnplätze. Berlin, 1811. P. 9-10.

¹⁰¹ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Ч. 1-3. М., 1830.

¹⁰² Пушкин А.С. Очерк истории Украины // Полное собрание сочинений в 10 тт. М., 1963-1966. Т. 8. С. 139-141.

¹⁰³ Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии // Полное собрание сочинений в 6 тт. М., 1965-1967. Т. 6. С. 62-63.

сделавшая Украину «Меккой для польских и русских фольклористов», и влияние славянского фольклора (прежде всего, сербского и болгарского)¹⁰⁴. Позднее к ним прибавился третий фактор в виде общеевропейского интереса к фольклору, занесенный интеллигенцией, для которой изучение фольклора собственного народа стало настоящим открытием¹⁰⁵. Запорожское казачество вновь, как прежде у Энгеля, стало выступать в роли рыцарской военной республики бесстрашных воинов и созидателей. Ликвидация центральной властью Запорожской Сечи, равно как и желание «авторитарной Москвы», по мнению американско-украинского историка Зенона Когута, унифицировать не только административное устройство государства, но и образ жизни подданных¹⁰⁶, стало в этой связи рассматриваться чуть ли не как национальное оскорбление украинцев русскими и впоследствии дало широкую почву для исторических спекуляций пропагандистов.

Характерное описание героического образа казака можно наблюдать в произведениях Гоголя. Так, в своей неоконченной повести *Гетьман* (1830) Гоголь передает ставшую затем хрестоматийной внешность казаков («мужественные, худощавые, с резкими чертами лица», «бритые головы, опустившиеся вниз усы, падавшие на грудь»), восхищается их атлетической силой¹⁰⁷. Представления о границе с азиатчиной проступают и в бессмертном *Тарасе Бульбе* (первая редакция – 1835, вторая – 1842). В романе Гоголь именуется украинские земли по Днепру «полукочующим углом Европы», а Азией называет не только Московию, но и саму Украину¹⁰⁸. Знаменитая цитата из повести о казаке – воине-земледельце, который по ситуации «менял волов и плуг на коня и ружье»¹⁰⁹ (этот стереотип приводил в своей работе еще Пьер Линаж, называвший казаков «рутенами», которые одновременно являются «солдатами и крестьянами»¹¹⁰), впоследствии многократно воспроизводилась и использовалась в украинской пропаганде даже нацистами¹¹¹. Высказывание Гоголя об азиатскости Украины было через тридцать лет после выхода *Тараса Бульбы* воспроизведено австрийским писателем Карлом Францозом (1848-1904)¹¹², а вложенное Гоголем в уста старого Тараса выражение «терпи казак – атаманом будешь» всего через десять лет после смерти писателя уже называлось Л. Повидаем народной пословицей¹¹³.

¹⁰⁴ Kozak S. U źródeł romantyzmu i nowożytniej myśli społecznej na Ukrainie. Wrocław, 1978. P. 21, 30.

¹⁰⁵ Ibid. P. 23, 33.

¹⁰⁶ Kohut Z. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s-1830s. Cambridge (Mass.), 1988. P. 15, 17.

¹⁰⁷ Гоголь Н.В. Гетьман // Полное собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. С. 300-301.

¹⁰⁸ Там же. Т. 2. С. 39, 151.

¹⁰⁹ Там же. С. 76.

¹¹⁰ Linage de Vauciennes. L'origine véritable ... P. 78.

¹¹¹ Ukraine. Land, Volk, Geschichte, Kultur, Wirtschaft, Politik. Berlin, 1938. P. 8.

¹¹² Franzos K.E. Aus Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, Südrußland, der Bukowina und Rumänien. Leipzig, 1876. Vol. 1. P. v.

¹¹³ Powidaj. Kozacy zaporożcy na Ukrainie. P. 5.

Кроме того, в литературе начинает распространяться гиперболизация украинских национально-бытовых реалий, хорошо знакомая нам по сочинениям Гоголя, в повестях которого отразился общий тренд того времени, касающийся изображения Украины. Так, русский сановник Бальтазар фон Кампенгаузен (1772-1823) в своих *Замечаниях о России* указывает, что Украина столь же велика, как и «старая Россия» (видимо, имеется в виду Московское государство), а ее природа позаботилась о том, чтобы всего было в достатке, оттого украинцы веселы и жизнелюбивы, не в пример своим соседям – белорусам и русским¹¹⁴. Именно эта «веселость» закрепится за украинцами и будет кочевать по страницам пропагандистской литературы в качестве их отличительного признака. При этом, учитывая высказывания украинских же ученых о том, что «большая часть налогов уходила на развитие России»¹¹⁵, причин для веселья у жителей Украины не было.

Нехарактерным примером польской литературы по украинской проблематике является книга писателя и общественного деятеля Михала Грабовского (1804-1863) *Давняя и теперешняя Украина*. Эта публикация показательна сразу по двум моментам. Наряду с романтическими фрагментами о царстве амазонок на Кавказе и обращению к древнегреческим мифам¹¹⁶ в ней впервые появляются признаки нового явления – европейского Модерна, когда происхождение нации стало осмысляться, с одной стороны, по романтической инерции, посредством обращения к языку и обычаям, а с другой стороны – по крови. Именно такие требования Грабовский предъявил и к происхождению украинцев¹¹⁷.

Стоит отметить, что подобные сюжеты появились в европейской литературе об Украине еще до появления труда Грабовского, особенно в этом преуспели немецкие авторы. Германские земли, весь XVIII и первую треть XIX вв. находившиеся под сильным влиянием романтизма, а впоследствии политико-философских теорий Георга Фридриха Гегеля (1770-1831) и Иоганна Готтлиба Фихте (1762-1814), перешли к идее национального единения и поиска собственных корней. В этом дискурсе, экстраполируя его на другие народы, и стала развиваться методология этнографических исследований в Германии. Так, в многотомном произведении путешественника, уроженца Бремена Иоганна Коля (1808-1878) воплотились некоторые черты как тогдашнего немецкого научного подхода, так и перехода к Модерну. Говоря о происхождении названия края, Коль указывает на существование двух «украин» – Польской (на юге Киевщины) и Слободской, между которыми и лежала Малороссия¹¹⁸. Термины «Украина» и «Малороссия» автор, тем не менее, отождествляет, объясняя это тем, что «западные

¹¹⁴ Campenhausen B. von. Bemerkungen über Russland besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefassten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm. Leipzig, 1807. P. 52, 56.

¹¹⁵ Kononenko. A history of the economic relations ... P. 45.

¹¹⁶ Grabowski M. Ukraina dawna i terażniejsza. Kijów, 1850. P. 9, 15, 17.

¹¹⁷ Ibid. P. 35.

¹¹⁸ Kohl J.G. Reise im Inneren von Rußland und Polen. Theil 2. Die Ukraine. Kleinrußland. Dresden-Leipzig, 1841. P. 137-138.

географы смешивали эти два понятия в одно для удобства»¹¹⁹. Повторяя появившиеся еще у Энгеля сведения о происхождении названия Украина от словосочетания «у края», обозначавшего «старую границу с Московией», Коль допускает в своем описании путаницу, относя всех казаков (в том числе покорителя Сибири атамана Ермака) к украинцам, указывая при этом, что сам этноним «украинец» использовался поляками для обозначения жителей Малороссии, и сетуя на то, что европейцы имели о малороссах лишь отрывочные сведения «и считали их варварами»¹²⁰. (Представления о варварстве населения Украины действительно встречались у немецких авторов¹²¹.)

Помимо данных, еще сильно романтизированных представлений, у Коля появляются и другие моменты, которые менее чем через сто лет лягут в Германии в основу государственной политики. Так, Коль указывает на принципиально иную политическую традицию украинцев, у которых раньше была республика «под покровительством поляков», которые резонно не обожают царя, как русские, и подчиняются, так как больше ничего не остается¹²². В этой связи автор подчеркивает и морфологические различия в строении тела и внешности, отмечая, например, склонность русских к полноте¹²³. Мысль Коля о ложном варварстве украинского населения находит отклик и в публикациях известного австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха (1836-1895), вторично, после Боплана, открывшего Украину для европейского читателя. Так, в статье «Русские Галиции» Захер-Мазох, идеализируя общественный строй на украинских территориях в прежние века, указывал, что украинцев отличали приверженность «идеалам демократии и социализма» и «склонность к мирному труду». Автор, что нетипично, отводит благую роль византийскому влиянию (впоследствии оно, применительно к России, будет оцениваться сплошь негативно), которое, по его мнению, проникало в галицийские «республиканские общины» мирно, в отличие от католичества¹²⁴.

Примечательно, что приблизительно в это же время в Европе впервые прозвучали идеи писателя Жозефа де Гобино (1816-1882), который считается провозвестником расовой теории национал-социализма. В своем объемистом труде *Опыт о неравенстве человеческих рас*¹²⁵ Гобино, помимо прочего, производил детерминацию по сословному критерию, относя дворянство к благородным герман-

¹¹⁹ Ibid. P. 138.

¹²⁰ Ibid. P. 136-137, 139, 319, 322.

¹²¹ Reuschel F.L. Statistisch-psychologischer Schattenriss der ehemaligen Polnischen Provinzen Wolhynien und der Ukraine. Sankt-Petersburg, 1804. P. 17, 19.

¹²² Kohl. Reise im Inneren von Rußland und Polen ... P. 318.

¹²³ Ibid. P. 345-346.

¹²⁴ Sacher-Masoch L. von. Die galizischen Russen // Internationale Revue. 1866. Vol. 1. № 1. P. 86-87.

¹²⁵ Gobineau J.A. de. Essai sur l'Inégalité des Races humaines. Paris, 1853-1855. Исследования на подобную тему применительно к украинцам появлялись и в России, см. Diebold W. Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat, 1886.

цам, а народ – к низким кельтам. Теории Гобино не нашли значительного отклика при его жизни, однако повлияли на некоторых интеллектуалов его времени, в том числе на этнографа Францишека Духиньского (1816-1893), представителя польской политической эмиграции, центром которой с давних пор являлся Париж. В 1864 году во французской столице появилась его книга с громоздким названием *Необходимость изменений в изображении истории арийско-европейского и туранского народов*, в которой Духиньский утверждал, что русские «ни антропологически, ни исторически не относятся к славянам, в особенности низшие классы», указывал на неславянское происхождение их языка и национального костюма и называл русских не иначе, как «московитскими туранцами»¹²⁶. В контексте польской политической мысли теория Духиньского может послужить примером весьма резкого, на фоне более ранних трудов, противопоставления русских остальной славянской общности. Тем не менее, генетически она, дополненная идеями Гобино, прямо восходит ко всему предшествующему массиву польской исторической публицистики, начиная со времен Меховского.

В целом, возникший метанарратив – Модерн – добавил к идеализированному, во многом сконструированному исходя не из научного, а из чувственного познания образу Украины как пограничья Европы и Азии, населенному казаками – храбрыми и одухотворенными воителями-сеятелями, – новые черты. Во-первых, Украине был придан статус гордой республики, выступавшей против царской тирании, планировавшей осуществить «то, что не удалось Аттиле, Чингисхану и Тамерлану»¹²⁷. Во-вторых, были впервые обозначены природно-биологические различия украинцев и русских.

От национальной романтики к «національній свідомості»

Середина – вторая половина XIX века стали временем национального подъема для населения украинских областей. Игравшая решающую роль в появлении национальной идентичности украинская интеллигенция пошла по пути романтизации конструирования собственного прошлого. Так, пытаясь отождествить реалии современного им украинского этноса с историей общерусского Средневековья, представители украинского национального движения натолкнулись на неадекватность молодой украинской политической культуры, сформировавшейся в условиях соответственно польского и русского доминирования, событиям древности и отсутствие у нее, как подчеркивают украинские и польские авторы, исторической преемственности и связей с современной им Украиной¹²⁸. Те же про-

¹²⁶ Duchński F.H. *Nécessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples Aryâs-Européens et Tourans*. Paris, 1864. P. 19-20, 33.

¹²⁷ Schuselka F. *Deutschland, Polen und Russland*. Hamburg, 1846. P. 162.

¹²⁸ Лысяк-Рудницкий И. *Между историей и политикой*. М., СПб., 2007. С. 94-95; Franz. *Idea państwa kozackiego ...*. P. 7.

блемы возникли и с украинским языком, только начавшим оформляться как литературный. В сложившейся ситуации для «изобретения» прошлого украинские интеллигенты воспользовались самым новым политическим инструментарием.

По мнению французского историка Даниэля Бовуа, роковая для России роль польской интеллектуальной традиции и транслировавшегося через нее европейского интеллектуального багажа в формировании первоначальной украинской этнополитической идентичности была обусловлена как неэффективностью ассимиляции шляхетского сословия, так и разрывом между либералами и консерваторами в русском политическом руководстве¹²⁹. В результате последнего раздела Речи Посполитой в 1795 году польская шляхта, в неизменном виде оставшаяся на Правобережной Украине, распространила свое влияние также и на Малороссию и Слобожанщину, тем более, что, как пишет канадско-украинский историк Д.-П. Химка, по мере кризиса крепостничества дворянство стало переходить к занятиям политикой¹³⁰. Центром польского интеллектуально-политического присутствия стал основанный в 1805 году Харьковский университет. Преподавательский состав для него набирал его попечитель, действительный тайный советник Северин Потоцкий (1762-1829), брат Яна Потоцкого. Критики украинской идеи до революции подчеркивали, что часть территории Правобережной Украины вошла в состав образованного в 1803 году Виленского учебного округа, который курировал соратник императора Александра I, польский патриот Адам Ежи Чарторыйский (1770-1861), а ревизором училищ Киевской, Подольской и Волынской губерний был вышеупомянутый Тадеуш Чацкий¹³¹.

Патерналистский настрой польской шляхты на Украине (в том числе, открытие при ее содействии ряда учебных заведений) значительным образом продвинул украинскую интеллигенцию на пути построения национально-политических концепций и теорий, которые впоследствии позволили историку Михаилу Грушевскому (1866-1934), которого считают «отцом» современной украинской истории и историографии, сделать их основой одну фразу: Украина – это и есть Русь¹³². В качестве подтверждения этого тезиса использовалась, в том числе, отсылка на летописный текст 1187 года с упоминанием «украины», а также на казачий фольклор¹³³.

Истоки столь резкого противления официальной власти украинского национального строительства исследователи усматривают в изначальных глубинных отличиях открытой, многоязычной (польский, латынь, русинский) и многокон-

---

¹²⁹ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914). М., 2011. С. 295-296.

¹³⁰ Himka J.-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, 1988. P. 3.

¹³¹ Щёголев С.Н. Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи. Киев, 1914. С. 18.

¹³² Подробнее см.: Грушевський М.С. Історія України-Руси. Львів, 1904-1907. Vol. 1-4.

¹³³ Cheloukhine. Les termes Russie, Petite-Russie et Ukraine. P. 4, 9-10.

фессиональной украинской культуры от консервативной московской¹³⁴ и в несоответствии московской авторитарности украинской многоукладности¹³⁵. Представители разных идеологических лагерей соглашались в том, что и татарское нашествие, обозначившее «резкое изменение этноязыковой карты» бывшей Киевской Руси и разделившее некогда единую общность по разным государствам¹³⁶, и артикулировавшая «убеждение о двусоставности Руси» Брестская уния 1596 года¹³⁷, и «мультинациональное» казачество сыграли решающую роль в отдалении Украины от идеи русского единства¹³⁸. Прежний принцип религиозной самоидентификации уходил в прошлое. Известно, что во второй половине XVII века противники распространения политического влияния Русского государства на Малороссию использовали для формирования образа врага якобы репрессивное отношение Москвы к православию¹³⁹, которое на Слобожанщине и Надднепрянщине играло ключевую роль для обретения «легального статуса в государстве»¹⁴⁰.

После вхождения большей части малороссийских земель в состав Российской империи прежний принцип дополнения политическими и этническими элементами определяющих административных и религиозных границ перестал работать. Тогда указанные элементы выдвинулись на первый план. Российский историк Д. Безьев дополняет этот тезис любопытным фактором, согласно которому дискуссия о существовании украинского этноса возникала в империи только тогда, когда это позволяла политическая ситуация¹⁴¹. О роли имперской парадигмы в окончательном формировании украинской политической нации пишет и С. Плохий¹⁴².

Таким образом, на основе форм новой самоидентификации уже в начале XX века (к этому времени Украина вобрала в себя как само понятие «Малороссия», так и его смысловую нагрузку) украинским национальным движением использовались такие сюжеты:

Украина – защитный вал Европы от азиатского вторжения, этнически и географически целостная территория, история которой долгое время замалчивалась, из-за чего в Европе о ней имеют превратное представление;

Украина – житница Европы, которую Россия постоянно объедала;

---

¹³⁴ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 24-25.

¹³⁵ Kohut. Russian centralism and Ukrainian autonomy ... . P. 15.

¹³⁶ Безьев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М., 2012. С. 100, 102.

¹³⁷ Неменский О.Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 108.

¹³⁸ Ploky. The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. P. 21, 146-147.

¹³⁹ Степанов. «Русское», «малороссийское» и «московское» ... . С. 19.

¹⁴⁰ Ploky. The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. P. 148; Неменский. Об этноконфессиональном самосознании ... . С. 105.

¹⁴¹ Безьев. Украина и Речь Посполитая ... . С. 92.

¹⁴² Ploky S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus. N.Y., 2006. P. 358.

Украина – подлинная наследница Киевской Руси, свободолюбивый край, противостоящий тиранической Московии, присвоившей себе название «Русь»;

Переяславская Рада – неравноправный договор, подчинивший Украину московской тирании;

Правильное название Украины – «Украина-Русь», первая часть этого топонима используется для обозначения современных политических реалий;

Украина неотделима от Европы и всегда находилась в ее экономическом и культурном ареале;

Казаки – украинские рыцари, гордые воители, подлинные наследники древнейшего автохтонного населения, проживавшего на территории Киевской Руси, предки украинцев, которые отличаются от населения Московии по ряду расово-биологических признаков.

Эта, на первый взгляд, идейная мешанина, однако, довольно быстро прижилась. Более того – изначально польские идеи были направлены украинцами против самих поляков. В 1913 году будущий вдохновитель радикального украинского национализма Дмитрий Донцов (1883-1973) в своем выступлении на студенческом съезде во Львове обвинил Россию и Польшу в искусственности их государственности, достигнутой, в том числе, за счет Украины, в результате чего последняя превратилась в задворки Европы, «провинциальную экзотику»¹⁴³. Главной целью украинского движения Донцов провозглашал возвращение государств к «этнографическим границам»¹⁴⁴, развивая относительно Украины теорию своего земляка Николая Михновского (1873-1924) об «Украине от Карпат до Кавказа»¹⁴⁵. В эти границы включался также и ряд регионов Южной России, якобы колонизованных украинцами.

В ответ на это и русская, и польская публицистика резко осуждали подобные заявления украинских националистов, подчеркивая, что даже юг Украины еще в XVIII веке был заселен крымскими татарами, и его колонизация началась только в XIX веке¹⁴⁶. Озвучивалась также идея о том, что понятие «Малая Русь» изначально соотносилось исключительно с русской этничностью, а понятие «Великая Русь» появилось в результате колонизационных походов из Малороссии, при этом проводилась не совсем понятная аналогия с французской кельтской Бретанью и Великобританией¹⁴⁷.

Подход националистически ориентированной украинской интеллигенции оказался созвучен принципам пангерманизма – единения всех немцев в одном национально-политическом организме, идеологии, господствовавшей в то время в

---

¹⁴³ Донцов Д. Сучасне політичне положенє нації. Львів, 1913. Р. 6, 17.

¹⁴⁴ Ibid. Р. 18.

¹⁴⁵ Цит. по: Мірчук П. Микола Міхновський: апостол української державности. Філадельфія, 1960. Р. 29.

¹⁴⁶ Die Ukraina. Ein Problem oder ein Phantom? Wien, 1918. Р. 7-8; Волконский А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920. С. 85, 95.

¹⁴⁷ Стороженко А.В. Малая Русь или Украина? Ростов-на-Дону, 1919. С. 4-5.

Германии и имевшей сильное влияние в Австро-Венгрии. Это совпадение не замедлило привлечь к украинскому национальному движению внимание правительств этих стран, которые, как и украинофилы, использовали в национальном мифотворчестве прием тенденциозного выдвижения одних и ретуширования других сюжетов истории¹⁴⁸. Примечательно, что подобное наложение друг на друга определенных факторов (в частности, использования польской интеллектуальной традиции и политического сотрудничества с Германией и Австро-Венгрией в начале XX века) впоследствии дало почву для формирования в консервативном дискурсе идеи об Украине как польском/немецком проекте.

Заключения

Подводя итог, хотелось бы сделать несколько общих замечаний, характеризующих динамику изменения восприятия Украины. Начиная с первых сообщений об украинских землях, сделанных в середине XVII века, существовали разночтения относительно терминов «Украина» и «Малороссия», так как первый долгое время имел только географическую привязку. В виду того, что значительная часть современной Украины находилась в составе Речи Посполитой, ее нередко воспринимали как один из польских регионов. После исчезновения Речи Посполитой с карты Европы Украина хотя и продолжала вызывать живой интерес путешественников и писателей, в политическом отношении на некоторое время как будто повисла в воздухе, став для европейцев забытым регионом, экзотикой¹⁴⁹. Ментальная география европейцев, ориентируясь на субъективные впечатления путешественников и доходившие до Европы отрывочные сведения об Украине, «достраивала» ее образ, привнося в него немало идеалистических черт.

Говоря о соотношении влияния европейской традиции восприятия Украины и ее польского аналога, можно выявить одну магистральную общую черту – приверженность эллинистической традиции деления мира на цивилизованную и варварскую части. Более трудным представляется вопрос первичности данных традиций для украинской национальной мысли, другими словами – какая из них в большей степени повлияла на становление украинской политической доктрины, ее риторики и лексикона, какими мы их знаем в начале XX века. В любом случае, в условиях формирования украинского национального движения во второй половине XIX века его деятели обратились к на тот момент уже достаточно давнишней традиции восприятия Украины через призму окружающих территорий. В результате была выработана пусть и демагогичная и вторичная, но, как им казалось, собственная и единственно верная парадигма будущего развития и самопозиционирования Украины. Нужно подчеркнуть, что в ходе конструирования

---

¹⁴⁸ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 46.

¹⁴⁹ *Ruthenische Revue*. 1904. № 20. P. 3.

украинской интеллигенцией исторического прошлого (характерного процесса для пробуждения национального самосознания) на более раннюю европейско-польскую концепцию наслоились новые тренды, такие как соотнесение современных реалий с древностью, восприятие романтических сюжетов как истинно исторических. Примечательно, что сторонние от европейских источники (например, путевые записки архидиакона Павла Алеппского, побывавшего на еще польской Украине в 1654-1656 гг.) демонстрируют хорошие знания древней истории Киевской Руси и прекрасную осведомленность о современности, при этом не смешивая эти два понятия¹⁵⁰.

Со временем, однако, концепции украинского национального движения стали давать сбой, так как оставались в прежних романтических рамках, уже не отвечая действительности. Если в годы Первой мировой войны Европа успела познакомиться с украинскими реалиями, то в США даже в 1918 году наряду с описанием «примитивного республиканского строя» Запорожской Сечи встречались импортированные «европейские» идеи о том, что украинцы развитее русских, потому что они красивее¹⁵¹. В украинской эмигрантской диаспоре продолжались утверждения, что Великая Русь – это на самом деле старая Киевская Русь, а Малороссия – это Галиция¹⁵², что украинский язык используется уже «около тысячи лет»¹⁵³, а украинский народ, «согласно археологическим исследованиям, существовал за сто лет до Рождества Христова»¹⁵⁴. В то время, когда на Украине бушевала гражданская война, в эмигрантских журналах рассуждали, как грамотнее писать по-английски – *Ukraina*, *Ukraine* или *the Ukraine*¹⁵⁵.

Подобные рассуждения взяла на вооружение даже пропаганда нацистской Германии. В то время как Украина между двумя мировыми войнами пережила ряд драматических событий своей истории, нацисты продолжали оценивать ее с позиций рубежа XIX – начала XX вв. В академической литературе появлялись статьи о том, что типаж русской литературы – это сплошь асоциальные и уголовные личности (лентяи Онегин и Обломов, циничный бездельник и хладнокровный убийца Печорин, проходимец Чичиков)¹⁵⁶. Не отставала и публицистика, указывая, что Гоголь «черпает негативные образы для своих произведений из среды русских помещиков», а героев «с твердым характером берет из борющихся

---

¹⁵⁰ Ukraina w połowie XVII wieku w relacji arabskiego podróżnika Pawła, syna Makarego z Aleppo. Warszawa, 1986. P. 21-25.

¹⁵¹ Winter N.O. The Ukraine, past and present // Ukraine on the road to freedom. N.Y., 1919. P. 58, 60.

¹⁵² Cheloukhine. Les termes Russie, Petite-Russie et Ukraine. P. 4.

¹⁵³ Revyuk E. Ukraine and the Ukrainians. Washington, 1920. P. 7-8.

¹⁵⁴ Шелухін С. Назва України. Відень, 1921. P. 4.

¹⁵⁵ Ukraine. A Monthly Review of Ukrainian Affairs and the Problems of Eastern Europe. 1918. Vol. 1. № 1. P. 28.

¹⁵⁶ Meyer K.H. Die osteuropäische Völker im Spiegel ihrer Literatur // Einige Hauptprobleme deutscher Ostwissenschaft. Königsberg, 1937. P. 44, 47-48.

за свободу украинских казаков»¹⁵⁷, и украинцы всему учили русских и были экономически развитее их¹⁵⁸. Отзвуки идей начала XX века звучали в эмигрантской украинской литературе и много позже. О том, что «Киев являл собой образец греческого полиса, тогда как в России не было и зачатков политического развития», а русский язык был навязан Украине еще во времена Великого княжества Литовского¹⁵⁹, писалось даже в начале 1980-х годов, когда Украину уже давно не представляли в отрыве от Советского Союза. Таким образом, украинская политическая традиция, обусловившая появление критериев оценки собственной историко-культурной и политической индивидуальности, во многом отталкивалась от прежних европейских императивов восприятия себя, которые, в свою очередь, сами в значительной мере проистекали из более ранних традиций и были дополнены субъективными оценками реальности.

---

¹⁵⁷ Leibbrandt G. Moskaus Aufmarsch gegen Europa // *Bolschewismus*. Vol. 2. München, 1938. P. 12.

¹⁵⁸ Взаємовідносини між Україною й Європою // *Волинь*. 1942. № 36. P. 2.

¹⁵⁹ Домбровський О. Нова схема ранньої історії Русі-України // *Український історик*. 1980. № 1-4. P. 10; Shevelov G.Y. *Evolution of the Ukrainian Literary Language // Rethinking Ukrainian history*. Edmonton, 1981. P. 219.